

А. В. РЕПРИНЦЕВ,

профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ: ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ

Российская школа находится на этапе значительных перемен, последствия которых с каждым днем становятся все очевиднее и обнаруживают себя уже в нынешних школь-

никах, давая повод для самых пессимистич-ных прогнозов. Сегодня уже ни для кого не секрет, что «модернизация школы по Филиппову-Фурсенко» предстает как катастрофичес-

кая угроза лучшим и выверенным временем традициям отечественного образования и воспитания. Достаточно сказать, что общий вектор внедряемых ведомством образования «реформ» выглядит как преступление перед будущим, ведущее к оглуплению и духовной деградации целого поколения юных граждан некогда Великой России. Всего лишь десять-пятнадцать лет назад мы гордились своим статусом «самой читающей» и «самой духовно богатой» державы, взахлеб рассказывая о созданных условиях для реализации молодежью своих природных способностей и талантов, показывая как национальное достижение «Артек» и «Орленок», детские творческие коллективы, получившие признание и уважение профессионалов. Где же они теперь? На каких культурных образцах и эталонах формируется нравственно-эстетическая культура будущих граждан нашей многострадальной державы? Куда ведут наших детей новые реформаторы образования?

За страстными и бесконечными дискуссиями последних лет о едином государственном экзамене, об образовательных стандартах, «Болонской декларации», «европейском образовательном пространстве» ушли из виду важные и выразительные (с точки зрения преследуемых «реформаторами» целей) шаги Министерства образования РФ, в которых отражаются истинные намерения идеологов реформ, их нескрываемое стремление выхолостить веками складывавшееся содержание образования и воспитания молодежи. Это выхолащивание предстает как «ревизия» *школьных программ*, особенно тех, которые напрямую «работают» на формирование духовной культуры молодежи, освоение ею социокультурного опыта предшествующих поколений. Речь идет в первую очередь о предметах гуманитарного, художественно-эстетического цикла, которые более всего подвергаются такой ревизии. Под флагом устранения «перегрузок» из школьных программ исключаются важные содержательные блоки и проблемы. Из литературы «изъяли» романы М. А. Шолохова (Нобелевского лауреата, запечатлевшего в своих произведениях сложную и трагическую эпоху начала XX века!), А. М. Горького («идеолога босячества»), С. А. Есенина (уж его-то за что?), А. А. Блока, А. А. Фадеева и др.; из программы по музыке — произведения П. И. Чайковского, И. С. Баха, Л. Бетховена, В. Моцарта!.. Череда подобных потерь оказалась столь велика, что впору спросить реформаторов: а что же осталось? На каком содержании об-

разования предполагается строить процесс духовного взросления будущих граждан России?

Литература как истинный фундамент нашей национальной духовной культуры подвергается таким образом выхолащиванию, преследующему, совершенно очевидно, идеологические цели. «Зачем ворошить прошлое, хватит потрясений, хватит гражданских войн и революций, — нужно воспитывать у молодежи толерантное сознание», — провозглашают министерские чиновники, забывая при этом, что толерантность воспитывается не «изъятиями» из школьной программы, а реальными условиями жизни общества, в которой нет социальных контрастов, нет страшных и глубоких антагонистических противоречий между людьми. *Обеднение содержания школьного образования*, призванного формировать духовную культуру молодежи, воспитывать представления юных граждан России о подлинных нравственных и эстетических ценностях нашего этноса, обнаруживается практически во всех школьных дисциплинах, выражая тем самым определенную тенденцию, в соответствии с которой следует объявить «героем нашего времени» Павла Ивановича Чичикова с его уникальной способностью «делать деньги» на мертвых душах. Вот образец для подражания, пример предприимчивого дельца, для которого высшим «нравственным императивом» служит Копейка и отцовский завет: «Все сможешь, все прошибешь копейкой!» Вот уж достойный типаж для воспитания «новых русских»! Эти явления в образовании и воспитании вполне «вписываются» в устойчивую логику, основную идею которой очень точно сформулировал в свое время известный государственный деятель, наставник Александра III и Николая II, К. П. Победоносцев: «Русскому народу образование не нужно, ибо оно научает логически мыслить...».

Опасной тенденцией последнего десятилетия стала *шоуизация школьного воспитания*, его ориентация на популярные развлекательные программы многочисленных телеканалов. Стремясь к примитивному копированию популярных телепередач, школьники и их наставники неизбежно воспроизводят телевизионные штампы, тиражируют репродуктивный тип сознания, сводя детское творчество лишь к повторению (примитивному, порой неуместному) игровых схем, культивируя шоу как наиболее эффективную форму воспитания. Шоуизация становится всеобщей тенденцией, подменяющей и вытесняющей собой ценнейший (может быть и не такой яркий, как телепрограмма) труд души, реальное

совместное дело, развивающее способность взрослого человека самостоятельно воспринимать окружающий мир, переживать, понимать и оценивать его, преобразовывать этот мир по законам красоты. Телевизионная картинка не требует напряжения интеллекта, не мобилизует внимание, память, не пробуждает многообразных ассоциаций, воображения... По данным социологов, современный 12-летний подросток проводит у экрана телевизора 18–20 часов в неделю и только 5–7 минут общается с матерью! За 12 прожитых им лет он успевает стать свидетелем 18 тысяч убийств во всех деталях и подробностях! Телевизор превращается в сильный и опасный инструмент формирования сознания человека, внедряя в него искаженные представления и смыслы, деформируя психику, девальвируя важнейшие ценности и нормы человеческого бытия, включая главную — самого Человека и его Жизнь...

Не менее опасна тенденция *сокращения деятельного, творческого начала*, которая неизбежно ведет к созерцательности отношения личности к действительности. И самым опасным в связи с этим явлением становится неразвитое, зачаточное состояние творческих способностей детей, не имеющих реальных условий для упражнения, для развития своих «природных сущностных сил», для применения уже освоенных ими алгоритмов деятельности в новых жизненных обстоятельствах. Тем самым современный ребенок постепенно утрачивает опыт самостоятельной постановки значительных личных перспектив и мобилизации собственных сил, собственных ресурсов для их достижения, — в комплексе с творческими способностями личности оказываются прочно увязаны ее волевые качества...

Очень характерной приметой подобной практики организации «воспитания» стали новогодние праздники: вместо традиционных предпраздничных хлопот, ориентированных прежде на подготовку к новогодним торжествам, педагоги сообщают родителям, какую сумму им необходимо сдать на организацию детских утренников. Собрав деньги, классные руководители закупают билеты в театр (или филармонию — выбор очень большой) на новогоднее представление и оставляют за собой лишь функцию сопровождающего... Внешне все выглядит вполне «красиво»: огромная красавица-елка, профессиональное новогоднее представление у елки, красочный спектакль и даже подарки, — все атрибуты праздника сохранены, «дело» проведено — можно ставить «галочку». Но удов-

летворения нет! Нет детской радости! Дети не вложили в праздник собственную душу. Нет игрушек, изготовленных собственными руками, елочных украшений, традиционной новогодней газеты... Быстро проходит Новогоднее представление, не оставляя в душах ребят ничего, кроме праздничной мишуры, блеска елочных огней, шумного обсуждения содержания подарочных пакетов... Обезличенный праздник порождает холодное, «нечеловеченное» отношение детей к нему. А как много и глубоко об этом размышлял В. А. Сухомлинский, как здорово использовал эти ценнейшие мгновения для развития духовного опыта своих воспитанников! Достаточно вспомнить хрестоматийный пример с Петриком и Аленькой: именно в процессе подготовки к празднику рождаются отношения истинной заботы человека о человеке, проявляется способность детей к сопереживанию, состраданию, соучастию. Разве не ради этого строится вся воспитательная работа с детьми, разве не это является самым главным, определяющим в понимании результативности нравственно-эстетического воспитания юношества?

Другой стороной этого явления становится сокращение опыта проведения совместного досуга: собираясь вместе, школьники все реже демонстрируют умение интеллигентно развлекаться, мягко и по-доброму шутить, рассказывать уместные и веселые истории, петь, играть, веселиться. Да и вместе дети собираются все реже. Почти в каждой семье теперь есть видеомагнитофон, музыкальный центр, не редкость и компьютер. *Ребенку все меньше требуется общество сверстников* для соотнесения своего видения и понимания окружающего мира с тем, что воспринимают другие. Замыкаясь в своем мирке, ребенок все чаще «строит» собственный мир, изолированный от других людей; он все чаще идет в этом строительстве «от себя», не соотнося свои желания с желаниями окружающих его людей. Он потребляет духовные ценности, опираясь лишь на собственные потребности, интересы и представления о должном. *Индивидуализация потребления эстетических ценностей* превращается в неумеренное и неконтролируемое освоение ребенком стандартов и нормативов массовой культуры, посредством которой в его сознание приходят образцы искаженной реальности, атрибуты виртуального мира, формирующие ложное представление о самой действительности, способах и средствах социального взаимодействия, разрешения возникающих в человеческих отношениях про-

блем. Ребенок утрачивает ощущение границы реальности и «нереальности», правды и вымысла, — он дезориентируется в социальном и культурном пространстве, подчиняясь лишь своим внутренним инстинктам и влечениям. Результатом этого становится *размывание вкусов как основы нравственно-эстетического отношения человека к действительности*, утрата социально типичных представлений о критериях оценки эстетически значимых предметов и явлений окружающего мира.

При всех издержках существующих учебных планов и программ школы, в них остаются (пусть даже формально) литература, музыка, изобразительное искусство. Но самым массовым, доступным, самым «потребляемым» видом искусства, «самым важным для нас является кино», восприятию которого школа не учит, не готовит ребенка к постижению мощного и выразительного языка кинематографа. Нет такой подготовки и в вузе, готовящего учителя к чему угодно, но только не к современным реалиям культуры, в которых ребенок часто ориентируется лучше, чем его школьный наставник. Школьное и вузовское образование явно отстают от жизни, не учитывают многих (не только кино) современных социокультурных феноменов, активно вошедших в жизнь, ставших устойчивыми элементами образа жизни русского человека. Эти новые реальности — компьютер, Интернет, огромное количество мультимедийных продуктов, обладающих значительными образовательными и воспитательными возможностями в осуществлении влияния на становление нравственно-эстетического отношения школьной молодежи к действительности и искусству.

Заметной тенденцией последнего десятилетия стало *сужение и локализация эстетических интересов школьников*, проявляющееся как свертывание интереса к чтению литературы, занятиям в творческих коллективах, посещению культурно-просветительных и образовательных центров, пассивное, созерцательное отношение к восприятию результатов творческой деятельности сверстников, сокращение количества детей, занимающихся в творческих коллективах. Показательно в этом плане посещение выставок декоративно-прикладного творчества детей, где на протяжении последних пяти-семи лет мы видим экспонаты, выполненные детьми не на базе общеобразовательных школ, а на базе учреждений дополнительного образования! И это вполне понятно, — у школы сегодня гораздо меньше возможностей для

создания клубных объединений, кружковой работы, нет кадровых, материальных условий для обеспечения их деятельности. Школы вынуждены свернуть эту работу не в силу собственной инертности: прекращение государственного финансирования заставляет всю систему образовательных институтов, обслуживающих детство, отказываться от сложившихся в этой сфере традиций и опыта. Есть реальная угроза того, что вскоре рухнет и последний бастион — учреждения дополнительного образования, в которых занимаются различными видами творчества до 15–20 % школьников.

Вызывает большую тревогу *тенденция выхолащивания эстетических эмоций и переживаний детей*. Она скорее результат, чем причина стремительного падения качества нравственно-эстетического воспитания молодежи, отражающая снижение общей способности молодежи к эстетическому восприятию явлений и предметов окружающего мира. Органы чувств человека — не самые совершенные в природе, но без их развития человек окажется эмоционально «глух», «слеп», беспомощен; его восприятие окажется неспособным продуцировать богатые и глубокие ассоциации, образы, переживания. И как следствие — снижение планки полета человеческой фантазии, воображения, мечты. Отсутствие глубоких эстетических эмоций, переживаний будет способствовать постепенной духовной деградации человека, его нравственному и эстетическому оскудению. Не в этом ли состоит цель реформаторов российской школы? Не к этому ли ведут российскую молодежь нынешние чиновники от образования? Самое тревожное в этом плане — сокращение социально ценных эмоций школьников, неизбежно ведущее к социальному отчуждению людей, их взаимному дистанцированию друг от друга.

Известно: коллективная эмоция сильнее, ярче, глубже; она дольше оставляет след в душе человека, порождая ощущение личностной сопричастности индивида к делам окружающего его сообщества. Лучшие мыслители прошлых эпох стремились к воспитанию «человека эстетического» — человека чувствующего, понимая, что способный к тонкому, одухотворенному переживанию красоты человек будет неспособен к низменному, безобразному поступку, подлости и предательству, варварскому отношению к окружающему миру. Он неизбежно будет создателем Красоты, Добра, Истины: «Имеющий в руках цветы плохого совершить не может!».